

ВЕДЬМЫ

СКАЗКИ
НАРОДОВ МИРА

МОСКВА
2025

УДК 398.2(100)
ББК 82.3(0)-6
В26

Художественное оформление переплета
и форзацев *Ксении Свинцовой (Iren Horrors Art)*

В26 **Ведьмы** : сказки народов мира. — Москва : Эксмо : Яуза, 2025. — 208 с. : ил. — (Мир легенд, преданий и сказок).

ISBN 978-5-04-209967-0

Слухи о ведьмах ходят в каждом уголке мира — от дремучих русских лесов до знойных африканских саванн. Люди веками страшатся их силы и одновременно обращаются к ним за помощью. В этом издании собраны уникальные сказки самых разных народов, повествующие о колдуньях — похитительницах детей, шаманках и даже оборотнях.

Вы узнаете:

- какими были ведьмы в азиатской культуре;
- зачем сибирской колдунье красть солнце;
- как девочка перехитрила ведьму с помощью хлеба, красной нити и гребня;
- почему королева ночью снимала свою голову;
- как солдат превратил колдунью в кобылу.

УДК 398.2(100)
ББК 82.3(0)-6

ISBN 978-5-04-209967-0

© Ксения Свинцова (Iren Horrors Art),
иллюстрации на обложке и форзаце, 2025
© ООО «Издательство «Яуза», 2025
© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ

Поздним вечером приехал один казак в село, остановился у крайней избы и стал проситься: «Эй, хозяин, пусти переночевать!» — «Ступай, коли смерти не боишься». — «Что за речь такая!» — думает казак, поставил коня в сарай, дал ему корму и идет в избу. Смотрит — и мужики, и бабы, и малые ребятишки — все навзрыд плачут да Богу молятся; помолились и стали надевать чистые рубашки. «Чего вы плачете?» — спрашивает казак. «Да вишь, — отвечает хозяин, — в нашем селе по ночам смерть ходит, в какую избу ни заглянет — так наутро клади всех жильцов в гроба да вези на погост. Нынешнюю ночь за нами очередь». — «Э, хозяин, не бойся; Бог не выдаст, свинья не съест». Хозяева полегли спать; а казак себе на уме — и глаз не смыкает.

В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма — вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хотела кропить — как вдруг казак размахнул своей саблей и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь. А казак поднял отрубленную руку, спрятал в свою шинель, кровь замыл и лег спать. Поутру проснулись хозяева, смотрят — все до единого живы-здоровы, и несказанно обрадовались. «Хотите, — говорит казак, — я вам смерть покажу? Собери-

те скорее всех сотников и десятников да пойдёмте ее по селу искать». Тотчас собрались все сотники и десятники и пошли по домам; там нет, здесь нет, наконец добрались до пономарской избы. «Вся ли семья твоя здесь налицо?» — спрашивает казак. «Нет, родимый! Одна дочка больна, на печи лежит». Казак глянул на печь, а у девки рука отсечена; тут он объявил все, как было, вынул и показал отрубленную руку. Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить.

* * *

В некотором королевстве жил-был король; у этого короля была дочь-волшебница. При королевском дворе проживал поп, а у попа был сынок десяти лет, и каждый день ходил к одной старушке — грамоте учиться. Раз случилось ему поздно вечером идти с ученья; проходя мимо дворца, глянул он на одно окошечко. У того окошечка сидит королева, убирается: сняла с себя голову, мылом намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнем расчесала, заплела косу и надела потом голову на старое место. Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! Прямая колдунья!» Воротился домой и стал всем рассказывать, как он королеву без головы видел. Вдруг расхворалась-разболелась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать: «Если я помру, то заставьте поповского сына три ночи сряду надо мною Псалтырь читать». Померла королева, положили ее в гроб и вынесли в церковь. Король призывает попа: «Есть у тебя сын?» — «Есть, ваше величество». — «Пусть, — говорит, — читает над моей дочерью Псалтырь три ночи сряду». Поп воротился домой и велел сыну изготовиться.

Утром пошел попович учиться и сидит над книгою такой скучный. «О чем запечалился?» — спрашивает его старушка. «Как мне не печалиться, коли я совсем пропал?» — «Да что с тобой? Говори толком». — «Так и так, бабушка! Надо читать над королевною, а она ведь колдунья!» — «Я прежде

тебя это ведала! Только не бойся, вот тебе ножик; когда придешь в церковь, очерти около себя круг, читай Псалтырь да назад не оглядывайся. Что бы там ни было, какие бы страсти ни представлялись, знай свое, читай да читай! А если назад оглянешься, совсем пропадешь!» Вечером пришел мальчик в церковь, очертил ножом около себя круг и принялся за Псалтырь. Пробило двенадцать часов, с гроба поднялась крышка, королевна встала, выбежала и закричала: «А теперь ты узнаешь, как под моими окнами подсматривать да людям рассказывать!» Стала на поповича бросаться, да никак через круг перейти не может; тут начала она напускать разные страсти; только что ни делала, он все читает да читает, никуда не оглядывается. А как стало светать, бросилась королевна в гроб и со всего размаху повалилась в него — как попало!

На другую ночь то же приключилось; попович ничего не убоился, до самого света безостановочно читал, а поутру пошел к старухе. Она спрашивает: «Ну что, видел страсть?» — «Видел, бабушка!» — «Нынче еще страшнее будет! Вот тебе молоток и четыре гвоздя — забей их по четырем углам гроба, а как станешь Псалтырь читать, молоток против себя поставь». Вечером пришел попович в церковь и сделал все так, как научила старушка. Пробило двенадцать часов, гробовая крышка на пол упала, королевна встала и начала летать по всем сторонам да грозить поповичу; то напускала большие страсти, а теперь еще больше: чудится поповскому сыну, что в церкви пожар сделался, пламя так все стены и охватило; а он стоит себе да читает, назад не оглядывается. Перед рассветом королевна в гроб бросилась, и тотчас пожара как не бывало — все наваждение сгнуло! Поутру приходит в церковь король, смотрит — гроб открыт, в гробу королевна кверху спиной лежит. «Что такое?» — спрашивает мальчика; тот ему рассказал, как и что было. Король приказал забить своей дочери осиновый кол в грудь и зарыть ее в землю, а поповича наградил казною и разными угождениями.

* * *

Жил-был солдат, служил Богу и великому государю пятнадцать годов, ни разу не видался со своими родителями. На ту пору вышел от царя приказ отпускать рядовых для свидания со своими родственниками по двадцати пяти человек с роты; заодно с другими отпросился и наш солдат и отправился домой на побывку в Киевскую губернию. Долго ли, коротко ли — пришел он в Киев, побывал в лавре, Богу помолился, святым мощам поклонился и пошел на родину в ближний уездный город. Шел-шел, вдруг попадаетея ему навстречу красная девица, из того же уездного города дочь купеческая, собой знатная красавица. Известное дело: коли завидит солдат пригожую девку, ни за что не пройдет просто, а чем-нибудь да зацепит. Так и этот солдат: поравнялся с купеческой дочерью и говорит ей в шутку: «Эх, хороша девушка, да не объезжена!» Отвечает красная девица: «Бог знает, служивый, кто кого объездит: либо ты меня, либо я тебя!» Засмеялась и пошла своей дорогой.

Вот приходит солдат домой, поздоровался с родными и крепко обрадовался, что всех их застал в добром здорovie. Был у него старый дедушка, белый как лунь, лет сто с хвостиком прожил. Стал ему солдат рассказывать: «И шел я, дедушка, домой, и попалась мне навстречу знатная девица; я — грешный человек — так и так посмеялся над ней, а она мне сказала: «Бог знает, служивый: либо ты меня объездишь, либо я тебя!» — «Ах, батюшки! Что ж ты наделал; ведь это дочь нашего купца — страшная ведьма! Не одного молодца свела она с белого свету». — «Ну, я и сам не робкого десятку! Меня не скоро напугаешь; еще поглядим: что Бог даст?» — «Нет, внучек, — говорит дед, — если не станешь меня слушать, тебе завтра живому не быть». — «Вот еще беда!» — «Да такая беда, что ты этакой страсти и на службе не видывал...» — «Что ж мне делать, дедушка?» — «А вот что: приготовь узду да возьми толстое осиновое полено

и сиди в избе — никуда не ходи; ночью она прибежит сюда, и если успеет прежде тебя сказать: стой, мой конь! — в ту же минуту оборотишься ты жеребцом; она сядет на тебя верхом и до тех пор будет гонять, пока не заедит тебя до смерти. А если ты успеешь наперед сказать: «Тпруу! Стой, моя кляча!» — то она сама делается кобылою, тогда зануздай ее и садись верхом. Она понесет тебя по горам, по долам, а ты знай свое — бей ее осиновым поленом в голову, и до тех пор бей, пока не убьешь до смерти!»

Не чаял солдат такой службы, а нечего делать — послушался деда: приготовил узду и осиновое полено, сел в углу и дожидается, что-то будет. В глухую полночь скрипнула дверь в сенях, и слышались шаги — идет ведьма; только отворила дверь в избу, он тотчас и вымолвил: «Тпруу! Стой, моя кляча!» Ведьма оборотилась кобылою; солдат зануздал ее, вывел на двор и вскочил верхом. Понесла его кобыла по горам, по долам, по оврагам и все норовит, как бы сбить седока долой; да нет! Солдат твердо сидит да то и дело по голове ее осиновым поленом осаживает; до тех пор угощал ее поленом, покудова с ног сбил, а после накинулся на лежачую, хватил еще разов пять и убил ее до смерти. Стало светать, он домой пришел. «Ну, друг, как твое дело?» — спрашивает старик. «Слава богу, дедушка, убил ее до смерти». — «Ладно! Теперь ложись спать». Солдат лег и заснул крепким сном.

Вечером будит его старик: «Вставай, внучек!» Он встал. «Ну, как же теперь-то? Ведь купеческая дочь померла, так отец ее за тобой приедет — станет звать тебя к себе Псалтырь читать над покойницей». — «Что ж, дедушка, идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди...» — «А коли что случится, куда я денусь?» — «Слушай, внучек! Когда пойдешь к купцу, будет он тебя вином потчевать — ты не пей много, выпей сколько надобно. После того поведет тебя купец в ту ком-

нату, где дочь его во гробу лежит, и запрет тебя на замок; будешь ты Псалтырь читать с вечера до полуночи, а в самую полночь вдруг дунет сильный ветер, гробница заколыхается, крышка долой упадет... Вот как эта страсть начнется, ты скорее полезай на печь, забейся в угол и твори потихоньку молитвы; там она тебя не найдет!»

Через полчаса приезжает купец и просит солдата: «Ах, служивый! Ведь у меня дочка померла, почитай над нею Псалтырь». Солдат взял Псалтырь и поехал в купеческий дом. Купец тому радехонек, сейчас его за стол посадил и давай вином поить. Солдат выпил, сколько ему надобно, а больше не пьет, отказывается. Купец взял его за руку, повел в ту комнату, где мертвая лежала. «Ну, — говорит, — читай Псалтырь!» Сам вышел вон, а двери на замок запер. Нечего делать, принялся солдат за Псалтырь, читал-читал, вдруг в самую полночь дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой слетела; солдат поскорее на печь, забился в угол, оградил себя крестом и давай шептать молитвы. Ведьма выскочила из гроба и начала во все стороны кидаться — то туда, то сюда! Набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Солдата: вот сейчас читал, да пропал!» Черти бросились в розыски; искали, искали, все закоулки обшарили, стали на печь заглядывать... тут на солдатское счастье петухи закричали: в один миг все черти пропали, а ведьма зря на полу растянулась. Солдат слез с печи, положил ее в гроб, накрыл как следует крышкой и опять за Псалтырь.

На рассвете приходит хозяин, отворил двери: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу!» — «Вот тебе пятьдесят рублей; приходи, друг, еще ночь почитай!» — «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой, лег на лавку и спал до вечера; проснулся и говорит: «Дедушка! Купец велел приходить другую ночь Псалтырь почитать;

идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — то же самое! Однако лучше иди: вина много не пей — выпей сколько надобно; а как ветер дунет, гробница заколыхается — тотчас в печь полезай! Там тебя никто не найдет!» Солдат собрался и пошел к купцу: тот его посадил за стол и давай вином поить; после повел к покойнице и запер дверь на замок. Солдат читал-читал, читал-читал; наступила полночь — дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала; он поскорее в печь... Ведьма вскочила и начала метаться; набежало к ней нечистых — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Да вот сейчас читал, да с глаз пропал! Найдти не могу...» Черти бросились на печь. «Вот, — говорят, — то место, где он вчера сидел!» — «Место тут, да его нет!» Туда-сюда... вдруг петухи запели — нечистые сгинули, ведьма на пол повалилась.

Солдат отдохнул немного, вылез из печи, положил купеческую дочь в гроб и стал Псалтырь читать. Смотрит — уж светает, хозяин идет: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь прошла?» — «Слава богу!» — «Ну, пойдём!» Вывел его из той комнаты, дал сто рублей денег и говорит: «Приходи, пожалуйста, почитай и третью ночь; я тебя не обижу». — «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой. «Ну, внучек, что Бог дал?» — «Ничего, дедушка! Купец велел еще приходить. Идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди». — «А коли что случится, куда мне спрятаться?» — «Вот что, внучек: купи-ка себе сковороду и схорони так, чтобы купец не видал; а как придешь к купцу, станет он тебя вином дюже неволить; ты смотри много не пей, выпей, сколько снести можешь. В полночь, как только зашумит ветер да гробница заколыхается, ты в ту ж минуту полезай на печной столб и накройся сковородою; там тебя никто не сыщет!»

Солдат выспался, купил себе сковороду, спрятал ее под шинель и к вечеру пошел на купеческий двор. Купец посадил его за стол и давай вином поить; всячески его просит, уещает. «Нет, — говорит солдат, — будет; я свое выпил, больше не стану». — «Ну, когда не хочешь пить, так ступай Псалтырь читать». Привел его купец к мертвой дочери, оставил одного и запер двери. Солдат читал-читал, читал-читал — наступила полночь, дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала. Солдат влез на столб, накрылся сковородой, оградился крестом и ждет — что-то будет? Ведьма вскочила, начала всюду метаться; набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! Бросились искать солдата, заглянули в печь. «Вот, — говорят, — место, где он вчера сидел!» — «Место цело, да его нет!» Туда-сюда — нигде не видать! Вот лезет через порог самый старый черт: «Что вы ищете?» — «Солдата; сейчас читал, да с глаз пропал!» — «Эх вы, слепые! А это кто на столбе сидит?» У солдата так сердце и екнуло, чуть-чуть наземь не упал! «И то он, — закричали черти, — только как с ним быть? Ведь его достать нельзя!» — «Вот нельзя! Бегите-ка раздобудьте огарок, который не благословясь зажжен был». Вмиг притащили черти огарок, разложили костер у самого столба и запалили; высоко ударило пламя, жарко солдату стало — то ту, то другую ногу под себя поджимает. «Ну, — думает, — смерть моя пришла!» Вдруг на его счастье петухи запели — черти сгнули, ведьма на пол повалилась, солдат соскочил с печного столба и давай огонь тушить. Погасил, убрал все как следует, купеческую дочь в гроб положил, крышкою накрыл и принялся Псалтырь читать.

На рассвете приходит купец, прислушивается — жив ли солдат али нет? Услыхал его голос, отворил дверь и говорит: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу, ничего худого не видал!» Купец дал ему полтора ста рублей

и говорит: «Много ты потрудился, служивый! Потрудись еще: приходи сегодня ночью да свези мою дочку на кладбище». — «Хорошо, приду!» — сказал солдат и бегом домой. «Ну, друг, что Бог дал?» — «Слава богу, дедушка, уцелел! Купец просил побывать к нему ночью, отвезти его дочь на кладбище. Идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако надо идти; лучше будет». — «Что же мне делать? Научи». — «А вот что! Как придешь к купцу, у него все будет приготовлено. В десять часов станут с покойницей сродственники прощаться, а после набьют на гроб три железных обруча, поставят его на дроги, в одиннадцать часов велят тебе на кладбище везти. Ты гроб вези, а сам в оба гляди: лопнет один обруч — не бойся, смело сиди; лопнет другой — ты все сиди; а как третий лопнет — сейчас скачи через лошадь да сквозь дугу и беги задом. Делаешь так, ничего тебе не будет!»

Солдат лег спать, проспал до вечера и отправился к купцу. В десять часов стали с покойницей сродственники прощаться; потом начали железные обручи нагонять; нагнали обручи, поставили гроб на дроги: «Теперь поезжай, служивый, с богом!» Солдат сел на дроги и поехал; сначала вез тихо, а как с глаз уехал, припустил что есть духу. Скачет, а сам все на гроб поглядывает. Лопнул один обруч, за ним другой — ведьма зубами скрипит. «Постой, — кричит, — не уйдешь! Сейчас тебя съем!» — «Нет, голубушка! Солдат — человек казенный; их есть не дозволено». Вот лопнул и последний обруч — солдат через лошадь да сквозь дугу и побежал задом. Ведьма выскочила из гроба и кинулась догонять; напала на солдатский след и по тому следу повернула к лошади, обежала ее кругом, видит, что нет солдата, и опять в погоню. Бежала-бежала, на след напала и опять повернула к лошади... Совсем с толку сбилась, разов десять назад ворочалась; вдруг петухи запели, ведьма так и растянулась на дороге!

Солдат поднял ее, положил в гроб, заколотил крышку и повез на кладбище; привез, свалил гроб в могилу, закидал землею и воротился к купцу. «Все, — говорит, — сделал; бери свою лошадь». Купец увидел солдата и глаза выпучил: «Ну, служивый, я много знаю; об дочери моей и говорить нечего — больно хитра была; а ты, верно, и больше нашего знаешь!» — «Что ж, господин купец, заплати за работу». Купец вынул ему двести рублей; солдат взял, поблагодарил его и пошел угощать свою родню. На том угощенье и я был; дали мне вина корец, моей сказке конец.

ВЕДЬМА И ЦИНЦИР

Лакская сказка

В далекие давние времена жили, говорят, на земле ведьмы, и пожирали они, говорят, детей.

Рассказала мне моя прапрабабушка. Пошли однажды, когда она еще молодая была, девушки из ее аула в лес черемшу рвать, ягоды собирать. А чтоб веселей было, взяли с собой соседского мальчика по имени Цинцир. Годов Цинциру было немного, но был он малый шустрый и смысленый.

Рвали девушки весь день черемшу, песни пели, шутили и не заметили, как ночь наступила. Потеряли дорогу, заблудились в темном лесу.

Долго шли они, куда, сами не знали. Поздней ночью увидели в лесной чаще огонек. Побежали на свет, смотрят: стоит старая лачуга, а на пороге клыкастая старуха.

— Заходите, — сладким голосом пригласила она девушек. — Я гостям всегда рада.

Накормила их ужином, постелила постель. Девушек к стене уложила, Цинцира на краешек.

А старуха та была ведьма и уже облизывалась про себя, думая, как их всех съест.

Много ли, мало ли времени прошло, спрашивает ведьма тихо-тихо:

— Кто спит? Кто не спит?

— Я не сплю, — откликнулся Цинцир.

— Это почему же ты не спишь? — удивилась ведьма.

— Меня мама ночью всегда кормит молочным пловом.

Что делать ведьме?! Сварила молочный плов. Цинцир сам поел и девушек угостил. Он уже почуял недоброе и шепнул девушкам: «Не спите!» Улеглись все. Тихо лежат, ждут: что дальше будет?

Мало ли, много ли времени прошло, ведьма во второй раз спрашивает:

— Кто спит? Кто не спит?

— Я не сплю! — отвечает Цинцир.

— Почему? — сердито проворчала старуха.

— Ночью мама всегда дает мне куркемей и хинкал.

Что делать ведьме?! Сварила проворно хинкал, куркемей¹ из кладовки принесла.

Цинцир сам поел и девушек покормил. Снова все улеглись. Тихо лежат.

А уже скоро светать станет. Нет у ведьмы терпения! Спрашивает потихоньку в третий раз:

— Кто спит? Кто не спит?

— Я не сплю! — говорит Цинцир.

Рассвирепела ведьма:

— Чем еще угостить тебя прикажешь?

— Клянусь жизнью, есть я не хочу! Ты нас хорошо угостила... В это время моя мама всегда дает мне водички. Она набирает ее из речки ситом и приносит в плетеной корзине.

Сорвала ведьма с гвоздя сито, схватила корзину, побежала на речку.

¹ Куркемей — вяленая баранья колбаса.

Как только дверь за ведьмой хлопнула, вскочил Цинцир:
— Девушки, девушки! Поскорее вставайте! Бежим! За-
мешкаетесь — съест нас лютая ведьма.

Побежали они, дороги не зная, куда глаза глядят. Добе-
жали до речки. Через речку бревно перекинуто...

Перешли девушки и Цинцир на тот берег и бревно
с собой унесли. Рады, что от ведьмы живыми ушли. Глядь,
а ведьма уже на том берегу стоит.

— Перетащите меня, научите меня, как к вам перепра-
виться, — просит ведьма.

А возле речки стояла развалившаяся мельница, и на тра-
ве жернова лежали. Цинцир крикнул ведьме:

— Видишь большие круглые камни? Мы их на шею на-
дели и перешли речку вброд.

Обрадовалась ведьма. Надела жернов на шею и прыг
в воду. Жернов потянул ее ко дну, и ведьма тут же утонула.

— Теперь и домой можно идти! — говорит Цинцир.

— Ой, нет! — зашумели девушки. — Не пойдем домой
с пустыми руками. Там у ведьмы наша черемша, наши ягоды
остались.

Пришлось Цинциру согласиться. Да не только черемшу
и ягоды они забрали, а золото, и самоцветы, и богатую оде-
жду. Всего у ведьмы в сундуках полно.

С тем и домой пожаловали. Всем подругам подарки сде-
лали. Моей прапрабабушке вышитый платочек достался.
Хотела она платочком нос вытереть, а платочек через нос
в горло проскочил — еле вытащили.

Ведьма та была колдунья, и все добро ее было заколдо-
ванное.

ВЕДЬМА, ЛЮБИВШАЯ ХАЛВУ

Лакская сказка

В давние-далекие времена, когда и прапрадеда моего еще на свете не было, жила, говорят, в стране Закрамане, в городе Хамадане, бедная-пребедная, но веселая, умная девушка-сирота Аймисей. Она собирала по дорогам навоз для кизяка, продавала людям и на эти гроши кормилась. Милостыню ни у кого не просила.

Продала однажды Аймисей мешок навоза, возвращалась домой, увидела на дереве у дороги спелые груши. Очень захотелось ей груш!

Забралась сирота на самую верхушку, сидит, грушами лакомится. А мимо шла ведьма-людоедка. Увидела Аймисей, остановилась и грубым голосом крикнула:

— Кинь и мне грушу!

Девушка выбрала самую спелую и бросила вниз. Ведьме груша по вкусу пришлось.

— Кидай еще! Кидай! — приставала ведьма до тех пор, пока не сорвала Аймисей последнюю грушу.

Тогда ведьма сильно тряхнула дерево, и Аймисей свалилась в корзину, которая висела у людоедки за спиной.

Заторопилась ведьма домой. Прибежала к своим воротам и закричала грубым голосом:

— Ахражат! Ххаджа! Маллажай! Распахните ворота!

Выбежали три ведьмины дочери, распахнули ворота. Сунули в рот ведьме ком халвы. Больше всего на свете людоедка, оказывается, любила халву. Когда ее кормили халвой, она людей не ела.

На следующий день людоедка с утра ушла за добычей. Остались дома Ахражат, Ххаджа и Маллажай. Они были девушки добрые, боялись своей матери и не любили ее. Сестры подружились с Аймисей и пообещали:

— Мы тебя нашей матери не отдадим!

Вечером ведьма вернулась домой с пустою корзиной, злая и голодная. Но дочери еще у ворот сунули ей большой кусок халвы, и она отправилась спать. Так целую неделю кормили сестры мать халвой, чтоб не съела она Аймисей.

А потом увидела Ахражат: точит ведьма в темном сарае длинный нож и приговаривает: «Не хочу больше халвы! Хочу мяса! Сегодня зажарю Аймисей».

Побежала Ахражат вся в слезах к сестрам.

— О чем ты плачешь? — встревожились сестры.

— Мать хочет нашу Аймисей съесть. Точит нож в темном сарае.

Поняли девушки: больше медлить нельзя. Быстро еду на дорогу собрали, обулись, оделись, друг другу помогая, ворота неслышно открыли...

Словно птицы летели они, да недалеко ушли. Ведьма только носом повела, сразу учуяла: в доме пусто. Бросилась она вдогонку. Вот-вот настигнет, вот-вот схватит Аймисей... А девушки уже были на берегу реки. Перекинули они через речку длинную жердь, перебежали на ту сторону. Ведьма тоже сгоряча на жердь скакнула, да поскользнулась и упала в воду.

Понесла ее быстрая река.

— Спасите! Тону! — надрывалась ведьма.

Дочки кинулись было ее спасать, да куда там! Закрутила речка ведьму и утопила в своих волнах.

Вернулись сестры с Аймисей домой. Там немало было всякого добра в сундуках и в мешках, в погребах и в закромах. Зажили девушки, нужды не зная, дружно и весело.

Прослышали женихи в тех краях, что ведьма-людоедка сгинула, а живут в ее доме четыре девушки-красавицы, завидные невесты.

Начали к ним женихи свататься. Приходили, говоря: «Выбирайте из нас любого!» Аймисей выбрала себе пастуха. Ахражат — шорника. Ххаджа — лудильщика. Маллажай — каменщика.

Сыграли четыре веселые свадьбы. Все соседние села на них пировали. И я там был. Подарили мне изумрудное колечко. Жаль, по дороге домой отняли его у меня разбойники. Сам от них еле живой ушел!

ВЕДЬМА ЛАГГАН

В тот день один герой, известный своей ненавистью к колдовству, грелся у огня в своем охотничьем домике в Лесу Гаик, что в Баденохе. Его верные гончие, умаявшись на утренней охоте, растянулись на покрытом дерном полу подле него; не знающее промаха ружье стояло в углу хижины, рядом с ним висел его острый скиэн ду. В то время как охотник сидел, прислушиваясь к вою бури снаружи, в дверях показалась потрепанная кошка, промокшая и дрожащая от холода. При виде ее шерсть у псов встала дыбом, и они подскочили, чтобы наброситься на жалкую кошку, трепетавшую в дверях.

— О Великий горный охотник! — возопила жалкая на вид, дрожащая кошка. — Я прошу у тебя защиты. Мне ведомо, что ты ненавидишь мое искусство, и, возможно, это справедливо. О пощади же измученную бедняжку, взыскующую твоей защиты от жестокости и гнета ее сестер.

Движимый милосердием, под впечатлением от ее речи, гнушаясь воспользоваться жалким состоянием своего злейшего врага, он утишил взбешенных псов и пригласил ее погреться к очагу.

— Нет, — сказала она, — сначала свяжи этим длинным волосом своих злобных гончих, ибо я страшусь, что они

разорвут меня на куски. Затем я прошу тебя, будь так добр, и свяжи их вместе за шеи другим длинным волосом.

Но чудное естество ее волос побудило охотника слегка слукавить. Вместо того чтобы связать псов, он набросил волосы на стропила хибары. Ведьма, полагая, что псы в путах, подошла к очагу и присела на корточки, чтобы обсушиться. Прошло не так много времени, и охотник заметил, что она начала удивительным образом увеличиваться в размерах, о чем он не преминул ехидно отозваться:

— Чтоб ты сдохла, мерзкая тварь! Тебя становится слишком много.

— О да, — игриво ответила кошка, — от тепла моя шерсть начинает пушиться.

Их шутки, однако, были прелюдией к более серьезной разборке. Продолжая увеличиваться, кошка в мгновение ока превратилась в Хозяйку дома Лагган и обратилась к нему с такой речью:

— Настал час расплаты, Горный охотник! И вот я перед тобой, Макгиллихал с Рааси и ты всегда были самыми беспощадными врагами меня и моих сестер. Но лэрда Рааси более нет. Он испустил дух. Его безжизненный труп лежит на дне пропасти, а теперь настала твоя очередь, Горный охотник.

С этими словами, приняв самое ужасающее и отталкивающее обличье, она накинулась на охотника. Два пса, которые, как она ошибочно считала, были связаны адскими волосами, бросились на нее, и закипела яростная схватка. Сокрушаясь из-за своей опрометчивости, ведьма прошипела: «Волосы, свяжите их». И так сильно соединились эти волосы по ее наговору, что в конце концов стропила сломались пополам. Под конец, осознав, что ее переиграли, ведьма попыталась смотаться, но гончие так вцепились в ее груди, что ей не без труда удалось вырваться.

Пронзительно крича, Хозяйка дома Лагган вырвалась из дома, волоча за собой псов, которые впились в нее так